

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЕГІН

ПРАВЕДНИК

СВЯТОЙ ВЫСТРЕЛ

ПРАВЕДНЫЙ ДЕТЕКТИВ -
ВЕРОЙ И СИЛОЙ

Праведник

Михаил Серегин

Святой выстрел

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Святой выстрел / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Праведник)

Бывший спецназовец Михаил Шатунов – теперь отец Василий, который служит в Якутии. Его тихая размеренная жизнь меняется в одночасье, когда дьякон Федор бесследно исчезает, а в соседней воинской части начинают происходить очень нехорошие события. Батюшке вместе с журналисткой Настей Бестужевой придется вступить в неравную схватку с силами зла, которое так хорошо умеет маскироваться под разными личинами.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Михаил Серегин

Святой выстрел

Отец Василий проводил взглядом широкоплечую коренастую фигуру в потертой коричневой летной куртке, скрывшуюся за дверью с табличкой «Служебное помещение». Ждать, пока подготовят вертолет, придется еще не меньше часа. Священник с сомнением оглядел зал ожидания, гудящий как пчелиный улей, ряды кресел, в которых теснились в ожидании своих рейсов обложенные багажом пассажиры.

– Чаю хочется, – сказал он, повернувшись к отцу Федору. – Вы, как, не против?

– И то верно, – поддержал священника диакон из епархиального управления, присланный проводить священников в командировку. – Идите, а я с багажом вашим тут побуду.

– Ну, зачем же, – попытался возразить отец Василий. – Сдадим все в камеру хранения, а вы поезжайте.

– Мне сегодня дома спать, – резонно заметил отец диакон, – а вам больше недели в трудах предстоит. Еще натаскаетесь с чемоданами. Идите-идите, я покараулю вещи.

– Ладно, – согласился отец Федор. – Все равно время коротать как-то надо. Кажется, на втором этаже есть кафе.

– На втором у них ресторан «Лайнер», – ответил отец Василий и повлек священника за собой. – Кафе где-то на первом. Пойдемте.

– Я и забыл, что вы тут не новичок, – слегка улыбнулся отец Федор.

– А вы в первый раз летите? – поинтересовался отец Василий.

– Выпросил. Два года просил отпустить в поездку по северным районам.

С отцом Федором до этой встречи в аэропорту отец Василий знаком не был, хотя слышал о нем немало. Невысокий, но статный священник был моложе отца Василия лет на десять. Он служил в управлении по каким-то административным делам, но и в других вопросах слыл фигурой деятельной и неутомимой: статьи его печатались в прессе часто, проходили какие-то встречи с общественностью, с журналистами. Епархиальное управление, говорят, подумывало, а не перевести ли молодого священника на связи с общественностью? Но сам отец Федор почему-то на это не соглашался.

Удивительно, но отец Федор был до сих пор не женат. А ведь мужчина довольно приметный: черноволосый, с аккуратно постриженной бородкой, гордой осанкой; живые и одновременно теплые карие глаза светились умом и проницательностью. Не могли девушки не купиться на такую внешность, однако факт оставался фактом.

Была и другая слава за отцом Федором, мешавшая, видимо, его карьере: нетерпимость и нечто похожее на юношеский максимализм. Он постоянно с чем-то боролся, постоянно отстаивал свою правоту. Гибкости ему не хватало; возможно, поэтому и не удалось пока создать семью. Слишком требовательным он был к своим избранницам, вот и не получалось серьезных отношений.

Отец Василий с иронией посматривал, какими заинтересованными взглядами провожали отца Федора девушки и молодые женщины. «Э-э, милочки, – думал священник, – этот красавец не сахар. Не так он прост, как вам кажется».

– Скажите, отец Василий, – заговорил наконец отец Федор, когда священники устроились за столиком у окна. – Вы вот тоже впервые летите в миссионерскую командировку. А как там встречают священников?

– Вы сами только что заметили, что я лечу впервые, – улыбнулся отец Василий.

– Но у вас все равно опыта больше, чем у меня. Ваша работа в этих местах и есть миссионерство. Вы ведь до этого в Поволжье служили?

– Я пошутил. Конечно же, я понял, о чем вы спрашиваете.

Молодая официантка с неуверенной улыбкой поставила на стол поднос. Было видно, что девушка впервые так близко встречается со священниками и не знает, как себя с ними вести. Отца Василия это всегда удивляло. Ну почему большинство людей относятся к священникам как к инопланетянам. Человек в облачении священника вызывает странные эмоции. Может, это психологическое наследие долгих атеистических десятилетий?

Помешивая ложкой в чашечке с чаем и глядя в окно на уходящую вдаль бетонную полосу, отец Василий продолжил разговор:

– По-разному встречаются. Понимаете, есть определенная разница между людьми, живущими в центре России и здесь. Но уловить ее можно, только попытавшись уловить ауру. Вот вы, к примеру, уловить сможете, если попытаетесь. Деятельность ваша, простите, публичная, вы привыкли к вниманию. А там вы почувствуете совсем другое к себе отношение. Вы не обращали внимания, что в маленьких деревнях с людьми, попавшими туда впервые, здороваются на улице как со старыми знакомыми?

– Правда? – удивился отец Федор. – Не замечал. Хотя в деревне я не бывал.

– Жаль. Но, впрочем, это неважно. В маленьких деревеньках и поселках люди живут своим мирком. Они все друг для друга свои и автоматически любого нового человека тоже воспринимают как своего. Там, куда вы приедете, и на вас будут смотреть как на своего. Вы приедете к ним из большого мира, вы причастны к событиям этого большого мира, поэтому вы для них – авторитет. Представитель всей православной церкви. В их глазах мы ответственны за все, что связано с религией, мы всеведущи, мы лицо ее и дух. Каждое слово, каждый шаг и взгляд будут оцениваться. Там люди более доверчивы, и беседовать с ними предстоит крайне рассудительно. А беседовать ведь придется.

– Да-да, – согласился отец Федор. – Вы через это уже прошли, когда несколько лет назад приняли сельский приход, в котором много десятилетий не было храма. – Его вдруг перебил звонок мобильного телефона, извинившись, он полез под ряску. – Да, Настя. Конечно, уже в Туймаада¹... Боюсь, что с часок еще просидим... Конечно... Мы в кафе время коротаем... Ну, хорошо. До встречи. – Отключив мобильный, он пояснил: – Это Настя Бестужева. Она тут где-то рядом проезжает и хочет увидеться по поводу передачи. Что-то у них там изменилось.

– Жаль, если отменят, – покачал головой отец Василий. – Больно уж дело нужное. От общения с людьми в прямом эфире вижу очень большую пользу для духовного просвещения.

– Нет, вряд ли отменят. Анастасия Бестужева своего не упустит. Если уж ей какая идея втемяшилась, то не свернешь.

Авторская программа Анастасии Бестужевой «Перейдем на личности» шла в прямом эфире еженедельно. Программа была острой – в ней обсуждались наболевшие проблемы общества в целом и проблемы республики и столицы. Журналистка приглашала на свое ток-шоу известных людей, специалистов из разных областей, чиновников, депутатов. Все как обычно для такого рода передач. Но у Бестужевой была своя изюминка и заключалась она в том, что конкретный собеседник – очередной участник передачи – рассказывал, что лично он сделал, каков его вклад в решение той или иной обсуждаемой проблемы. Вот тут и начиналось самое интересное – оценить свой собственный вклад, если он имелся, в решение проблемы, определить свое участие или хотя бы свое место в ней, мог, как оказалось, далеко не всякий. Надо отдать должное, что автор и ведущая Анастасия Бестужева очень умело проводила границу между «понимаю и хочу сделать» и «сделал лично». Тем не менее на передачу шли, отстаивали, спорили, доказывали.

Когда отец Василий узнал, что руководство епархии предлагает ему стать соучастником этой программы вместе с отцом Федором, он поначалу немного испугался. Но на предвари-

¹ Туймаад – негласное, часто употребляемое название аэропорта в Якутске по названию долины, в которой располагается и аэропорт, и сам город.

тельной встрече Бестужева ему объяснила, что он ей нужен как представитель глубинки, который видит проблему возрождения духовности нации несколько с иной стороны, чем столичные священники, и он согласился.

– Как семья, как матушка? – неожиданно спросил отец Федор. – Каково ей тут после волжских просторов?

– Я матушку с сыном только в этом году перевез сюда.

– Что так? Были проблемы с жильем или не хотели обременять близких, пока не откроется храм?

– И это, конечно. Но главное – она у меня болеет. Врачи после операции не рекомендовали слишком быстро переезжать. Боялись рецидива.

– Сынишке-то вашему сейчас сколько?

– Четырнадцать уже.

– О семинарии не помышляет?

– Ох, вряд ли, – вздохнул отец Василий. – Вроде бы с матушкой много в него духовного вложили, в вере и любви вырастили, а характер непоседливый. Нетерпимости много.

– Мальчишка же, – улыбнулся отец Федор. – Они все в этом возрасте такие. Пройдет со временем, когда личность сформируется.

Отец Василий задумчиво посмотрел на собеседника. Говорить или нет? Нет, не хочется лишний раз вспоминать, хотя священник и стал относиться спокойнее к своему спецназовскому прошлому. Все было: и кровь, и смерть, и ненависть, и лютая злоба, и много насилия. А потом – очень длинный путь к вере. Невыносимо длинный, хотя по времени это всего лишь годы. Нет, все-таки не стоит...

Анастасия Бестужева появилась в кафе внезапно. Вошла быстро и по-хозяйски, одетая модно и немного вызывающе. Повернулась всем корпусом в одну сторону, потом в другую, выискивая среди сидящих священников. Увидев их за столиком у окна, так же деловито и уверенно направилась к ним.

Посетители кафе провожали заинтересованными взглядами деловую тридцатилетнюю женщину, выделяющуюся своей яркостью и двигающуюся быстрым шагом между столиками. Громко цокали каблучки черных полусапожек из тисненной узором кожи, шелестели прямые, плотно облегающие брючки, мерно покачивалась на плече черная лакированная сумка в стиль сапожек. Короткая сиреневая курточка с отороченным мехом капюшоном была расстегнута. Белая деловая блузка обтягивала упругую грудь, а в вырезе демонстративно расстегнутого на три пуговички воротника, оттеняя белизну ухоженной кожи, виднелось небольшое коричневое костяное ожерелье в национальном якутском стиле. Коротко стриженные под мальчика светло-каштановые волосы венчали поднятые темные противосолнечные очки.

К большому изумлению посетителей, женщина подошла к столику, за которым сидели два священника, и, по-хозяйски бросив сумочку на край стола, уселась на свободный стул.

– Привет, ребята! – панибратски бросила журналистка. – Можно я закурю?

Не дожидаясь ответа, она полезла в сумочку и достала пачку «Данхилла». Пока она прикуривала тонкую сигарету, деликатно пуская дым в сторону, отец Василий украдкой наблюдал и за журналисткой, и за отцом Федором. Не коробит ли того от такого обращения телеведущей или он уже привык к манерам в этом обществе? А отец Федор с добродушной иронией поглядывал на Анастасию.

Элегантно держа между двумя пальцами сигарету, журналистка достала из сумочки блокнот и авторучку. При этом бросила взгляд на отца Федора и коротко улыбнулась.

– У нас небольшая пертурбация, – заявила она. – Депутат убыл в командировку, и передача по его теме откладывается на неопределенное будущее. Комитет по образованию не готов, так что я решила сдвинуть вас.

– В каком смысле? – не понял отец Федор.

– Предлагаю передачу с вашим участием провести через неделю, – пояснила Бестужева и выразительно посмотрела на священников. – В отличие от власть предержащих и чиновников, имитирующих бурную деятельность во благо народа, вам особенно готовиться не надо. Так ведь?

– Простите, Анастасия, – решил вмешаться отец Василий. – Но подготовиться или настроиться на определенную тему все же нужно. Ведь какая-то канва у вас предусмотрена? Кроме того, мы элементарно можем не успеть вернуться в город. Заполярье, вертолеты, отсутствие связи... Рисуем.

– Отец Василий прав, – согласился отец Федор. – Как-то легко у вас все получается.

– Товарищи, дорогие, – вскинула идеально откорректированные брови журналистка. – Да вы, по-моему, побаиваетесь? Вот уж не ожидала!

– Знаете, как это называется? – рассмеялся отец Василий. – Брать «на слабо». Не пройдет.

– Ну почему же «на слабо»? – нисколько не смутилась Бестужева. – Это трезвая оценка ваших личностей, вашего образа мышления, вашего, так сказать, рода деятельности.

– А вот это уже лезть, – хмыкнул отец Федор, переглянувшись с отцом Василием. – Неприкрытая, незавуалированная лезть, два еще и в корыстных целях.

– Ну-у! – кокетливо изобразила отчаяние Бестужева, чуть надув губы. – Ну, зачем вы так? Я в самом деле верю, что то, о чем вам придется говорить, давно думано-передумано. Разве не так? Вы же проповеди читаете, прихожан воспитываете...

– Как-то вы не так выражаетесь, – покачал головой отец Василий. – Ну да не в этом дело. Понимаете, чтобы не пуститься в пространные рассуждения – а вопросы могут быть сверхсложными, – необходимо время для нужных и понятных слов. Слов простых и доходчивых, идущих от сердца, а не от ума. Отвечать-то придется коротко. Значит, слов должно быть мало, а дойти они должны наверняка.

– Тема у нас есть, мы ведь ее оговаривали в прошлый раз, – с каким-то облегчением согласилась Бестужева. – Духовное возрождение нации.

– Как-то обобщенно, – заметил отец Федор.

– Что?

– Слишком обобщенно, – повторил священник. – Тут можно разглагольствовать от революции 1917 года и до Большого адронного коллайдера. Важно понять, что вы, Настя, конкретно хотите озвучить. Вам ведь тоже не нужно, чтобы разговор стихийно ушел в сторону от темы, а держался в определенных рамках.

– Хорошо, я поняла, – согласилась Бестужева. – Тогда я сформулирую тему примерно так: «Истоки духовности». Хотя нет, тоже слишком размыто.

– Истоки бездуховности, – предложил отец Василий.

– Как-как? – с интересом посмотрела на него журналистка. – Истоки бездуховности? Любопытная формулировка. А вы, оказывается, философ, отец Василий. Интересно, но не в этот раз. Давайте остановимся на такой формулировке: «Что мешает возрождению духовности?» Или еще точнее: «Возрождение духовности. Преодолевая препятствия».

– Что в лоб, что по лбу, – хмыкнул отец Федор.

– Неважно, – отмахнулась журналистка и стала что-то быстро писать в своем блокноте. – Главное, чтобы вам было понятно и мне.

– Чтобы мы дули в одну дуду, – поддакнул отец Василий, которому становилось все веселее и веселее от разговора и от общения с журналисткой.

Человек она вроде бы не плохой, только очень уж испорчена своей профессией и излишне самоуверенна.

Наконец основной круг вопросов был оговорен, а вопросы зрителей в студии Бестужева обязалась скорректировать сама. И тут неожиданно возникли разногласия между священниками. Отец Василий считал, что вопросы общего характера, задаваемые из чистого любопыт-

ства, следует пропускать – неинтересно и неважно. Отец Федор, наоборот, придерживался мнения, что ответы на такие вопросы способствуют повышению грамотности населения в вопросах религии. В конце концов, отец Василий махнул рукой на этот спор...

Когда священники шли по летному полю со своими саквояжами, отец Василий заговорил о Бестужевой.

– А вы давно знакомы с Анастасией?

– Да с год уже, наверное. А что?

– Ничего. Просто человек она своеобразный. И ведь не верующая, а собирается говорить о вопросах веры, причем в прямом эфире, на всю республику.

– Журналисты, – пожал плечами отец Федор. – А вообще-то она девушка неплохая. Своеобразная – это точно.

– Я понимаю, что журналисты, – не унимался отец Василий. – Понимаю, что язык подвешен. Но я бы не рискнул вести телевизионную передачу на эту тему.

– Кое в чем я с вами согласен, – ответил отец Федор. – Наша тема ее интересует постольку-поскольку. Дань моде, и не больше. Принято об этом говорить, вот и она тоже. Ну, да и бог с ней. Главное, что мы с вами имеем возможность поговорить с большой аудиторией. Вы мне лучше посоветуйте, к кому обращаться по прилете в каждое село. Как организовывать все на месте?

– А вас разве не проинструктировали?

– Рассказывали, конечно, но вы человек опытный, может, что полезное посоветуете.

В самолете священники разговаривали мало. Оба заворожено смотрели в иллюминатор, где далеко внизу под редкими рваными облаками тянулись дикие горные кряжи Верхоянского хребта. С высоты четырех тысяч метров они выглядели как первозданный хаос. Цепь вершин, то побольше, то поменьше, изрезанных долинами, разломами, ущельями. Каждая низина, каждая расщелина была припорошена снегом, и горы казались испещренными белыми черточками. Эти черточки, изредка перерезаемые узкими речными долинами, заволаживали и навевали грусть. Отец Федор, как человек сугубо городской, слегка приуныл.

– Вам предстоит увидеть другие ландшафты, не такие печальные, – приободрил своего спутника отец Василий. – В тундре вам понравится. Точнее, там, куда вы летите, лесотундра. Бескрайние просторы до самого океана, стада оленей и очень добрые люди.

Расстались священники в Верхоянске, а дальше каждый отправился своим маршрутом. Отец Федор отправился на вертолете геологов, по предварительной договоренности, в Мви-керю, в низовья Лены. Отца Василия ждала большая лодка, на которой в верховья реки Яны отправлялись продукты и товары первой необходимости для звероферм, мелких поселений рыбаков, охотников и оленеводов.

Старый якут Кузьма, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, сразу же с сомнением оглядел священника и поцокал языком.

– Однако у нас так нельзя, – показал он пальцем сначала на демисезонные городские полусапожки отца Василия, а потом на его короткую куртку на синтепоне. – Сырость внизу, сырость сверху.

– Ничего, я закаленный, – отмахнулся священник. – Сколько нам плыть-то?

– До Батагая – два часа, до Усть-Алданска – два, до Петрово – три.

– Если отец Василий замерзать начнет, мы его согреем, – вставил продавец передвижного магазина Иван, перелез с деревянного помоста в лодку, подмигнул священнику и недвусмысленно потер руки. – Отчаливай, Кузьма.

Отец Василий уселся поудобнее на деревянные ящики с консервами. Застучал мотор лодки, и под любопытными взглядами людей она отчалила от берега. Священник знал, что еще с советских времен повелось у малых народов называть детей русскими именами. И фамилии у

них тоже были русскими. Такой порядок завела в свое время Советская власть. Правда, в отдаленных местах многие жители забывали, что у них написано в паспорте, и продолжали, как и до революции, именоваться на свой лад. Но в больших населенных пунктах это правило соблюдалось строго. Называть типичного якута Кузьмой Николаевым и Иваном Петровым было вначале как-то непривычно, но отец Василий быстро к этому привык.

Замерзать священник начал уже минут через тридцать. Холодный туман забирался под одежду, и тело постепенно стало покрываться мурашками. Руки и ноги окончательно застыли, хотя он пытался незаметно прятать руки под мышками. Скуфья² не грела, и казалось, что уши мерзнут даже изнутри. Отец Василий с завистью смотрел на мягкие торбасы Кузьмы – высокие сапоги, сшитые из оленьей шкуры мехом наружу. Да и в ватной фуфайке, из-под которой виднелась меховая безрукавка, было явно теплее.

Иван достал откуда-то из-за ящичков брезентовый мешок, где оказалась припасенная меховая куртка. Порывшись, он извлек из этого же мешка литровую металлическую флягу и, хитро прищурившись, спросил:

– Погреться не хотите? Первое дело кровь разогнать, а то совсем застынете.

– Нет, спасибо, – отрицательно покачал головой священник, чувствуя, что губы его совсем не слушаются.

– Плохо, – подал сзади голос Кузьма. – Сначала тепло, хорошо, потом совсем плохо. Я за тебя торговать больше не буду.

– Да ладно! – отмахнулся Иван. – Я только чуть-чуть.

Кузьма завозился около мотора, чем-то зашуршал.

– Вот, возьми, батюшка, однако, совсем замерзнешь. – И протянул отцу Василию что-то большое, стеганое.

Оказалось, это два старых ватных спальных мешка, распоротых по шву и грубо сшитых суровой ниткой в одно широкое одеяло. От мешков заметно пахло грязью и рыбой, но отец Василий решил не привередничать. Закутавшись с ногами в эту стеганую конструкцию, он через несколько минут понял, что согревается.

– На-ка вот еще, батюшка. Чай с морошкой! Лучше всякой водки согреет, любую хворь прогонит.

Согретый теплом напитка и ватного спального мешка, отец Василий задремал под мерный плеск волн, стук мотора и покачивание лодки. Седые барашки ледяной воды разбегались в стороны, лесистые берега выпирали иногда скалами и каменистыми плесами, которые Кузьма аккуратно обходил самой стремниной.

Якут курил длинную трубку и периодически принимался, ни к кому не обращаясь, рассуждать о жизни. Вся его философия сводилась к тому, зачем нужны города. Для жизни человека, считал он, нужна тайга, нужна тундра, которые дадут все, что нужно. Самый большой вред, по его мнению, был от непоседливости человека, которого все время куда-то тянет в стремлении преодолеть большие расстояния. А зачем? Человек не птица, ему не даны крылья, чтобы летать. Ему даны ноги, чтобы охотиться, руки, чтобы запрягать оленей и строить ярангу. А человек строит большие корабли, машины, которые ничего не дают, кроме беспокойства. Предки жили тысячи лет и обходились без машин.

Отец Василий наконец не выдержал и ввязался в спор.

– Ты не прав, Кузьма. Движение – это познание, познание мира, познание себя. Человек должен узнавать, должен учиться.

– Зачем много знать? – удивился старый якут. – Много знаешь – умрешь, мало знаешь – умрешь. Твое знание даст бессмертие? Нет, от твоего знания одно беспокойство. Человек

² Скуфья, скуфия (от греч. σκῦφος, «чаша») – повседневный головной убор православных духовных лиц. Представляет собой небольшую круглую, черную, мягко складывающуюся шапочку.

придумал водку, якуты стали пить, много болеть и умирать. Человек придумал, как доставать из земли «черное масло» и вонючий воздух, как с помощью них двигать машины, давать тепло. Но якуты тысячи лет жили без этого и тепло добывали, и олешки возили нарты. А теперь? Олешки зимой кочуют по тундре, проваливаются в снег и ранят ноги о ржавое железо, брошенное геологами. Большие трубы перегородили тундру, как горы, и олешки не могут бродить. Трактора сдирают гусеницами мох, и он больше не растет. Зато дожди делают промоины и растут овраги. Очень плохо.

– Ну, хорошо, согласен, – улыбнулся священник. – Плохие люди наносят вред природе, но это не значит, что нефть, которую ты называешь «черным маслом», не нужна. Ты ведь забыл еще про медицину. Разве медицина – это плохо? Я знаю, что раньше у якутов умирало больше половины детей, а теперь не только все выживают, но и получают медицинское обслуживание, учатся в интернатах.

– Плохо, – снова не согласился Кузьма. – Умирали слабые, выживали сильные. Якуты были здоровым народом, а вы их сделали слабыми. Дети живут в городе, учатся в ваших интернатах, а потом возвращаются в стойбище и ничего не могут. Раньше, в старину, в десять лет мальчик был уже рыбак, охотник. Умел поймать оленя, мог весь день бежать по тундре и не уставать. Сейчас он возвращается из интерната в семнадцать лет и ничего не умеет. Его голова полна пустыми знаниями и беспокойством. Его трудно научить охотиться, ловить рыбу. Плохо.

Спор с переменным успехом продолжался всю дорогу, но отец Василий так и не смог переубедить старого якута.

К вечеру священника доставили в зверосовхоз «Белый». Здесь разводили песцов, и здесь же располагалась одна из партий Верхоянского НГДУ³. Отсюда должен был начаться путь отца Василия, сначала на вездеходе геологов, затем два перелета на вертолетах.

На берегу священника ждал «уазик». Дверь со стороны водителя была открыта, и из кабины торчала нога в резиновом сапоге примерно сорок пятого размера. Побережье оглашали звуки рэпа, и нога в сапоге дергалась в такт музыке. Помогая священнику выбраться на берег и подавая ему багаж, Кузьма только качал головой и цокал языком.

Неожиданно музыка стихла, и из кабины выскочил детина под два метра ростом в старом военном бушлате и вязаной шерстяной шапочке на голове. Быстрыми шагами он спустился к берегу и жизнерадостно крикнул:

– Здравсте! С благополучным, так сказать, прибытием, святой отец!

– Книжек начитался, – усмехнулся отец Василий. – В православии принято говорить батюшка или отец Василий. Будем знакомы.

– Здравсте, – нисколько не смутившись, повторил парень. – А меня Леха зовут, Сидоров. Здорово, Кузьма! Совсем нашего священника застудил! Ничего, мы вас сейчас отогреем, понашенски!

Загрузив имущество священника в машину, водитель завел мотор, и «уазик» тронулся с места. Всю дорогу Леха жизнерадостно рассказывал, как здесь ждут священника, как живут геологи и «совхозовские».

Наконец прибыли в поселок. К большому удовольствию отца Василия, в партии, помимо трех двухэтажных модульных домиков, имелась настоящая бревенчатая русская баня. Геологи показали священнику комнату, где он может переодеться и переночевать, а потом повели в баню. Бородатый жизнерадостный народ мылся очень шумно. С громким уханьем плескали в парилке на раскаленные камни ягодным морсом и настойкой на тундровом мхе. От этого парилка наполнялась терпким медвяным духом, и дышалось легко. Все с остервенением хлестались березовыми вениками, с наслаждением терлись настоящими лыковыми мочалками.

³ НГДУ – нефтегазодобывающее управление.

Потом, покрасневшие от жестких мочалок и окатывания ледяной водой, весело подмигивали священнику в обшитом липовыми досками предбаннике и подливали ему можжевеловой настоечки, настоечки на ягеле и морошке. Тут же дымился и огромный медный самовар. Причем не электрический, а настоящий, который надо разжигать щепками. На начищенном до зеркального блеска мятом боку самовара виднелись выпуклые цифры «1914». Стол ломился от снеди. Отец Василий равнодушно отнесся к халве и сгущенному молоку, которыми геологов снабжали в большом избытке, зато воздал должное местным дарам природы – вареньям из брусники, костяники, морошки.

Леша Сидоров бегал за свежей водой, щепками для самовара, раздувал угли новеньким кирзовым сапогом, висевшим на гвоздике рядом со столом. Попутно выяснилось, что Леша служил тут в армии в автобате, но сам родом из Сочи. Ему здесь понравилось, и он остался работать водителем в партии.

За настоечкой, чаем с вареньем и домашней выпечки хлебом поговорили о том, что в зверосовхозе хотят окрестить пацаненка, а заодно и его молодых родителей. А еще хотелось бы освятить ветеринарную лабораторию. Что самый молодой и самый бородатый в компании Костя Осьмушкин – совсем не геолог, а главный зоотехник. Что родом он из Саратова, чуть было не поступил в духовную семинарию, но влюбился. За своей невестой отправился поступать в зооветинститут. Но ближе к окончанию учебы девушку у него увели, и он с горя уехал в Заполярье разводить песцов.

Рыжий бородач Вадик, который все время над всеми подшучивал и всех называл не геологами, а геолухами, сам оказался геоморфологом. Что это означало, отец Василий не понял, да это было и неважно. Он наслаждался теплом, уютom и хорошей компанией. Веселые парни, самому старшему из которых было не больше тридцати пяти, не лезли с рассуждениями и вопросами о религии. Они нещадно курили, много шутили и много рассказывали.

Спать отца Василия отпустили за полночь, когда худой и костлявый начальник партии молодой бородач Семеныч сказал наконец веским голосом «брэк» и «хорош, всем питекантропам быстро по пещерам». Потом задумчиво уставился на такую же, как и у геологов, бороду отца Василия и пояснил, что к нему это не относится, что у священника борода – это признак, и начальник партии величественно покрутил пальцем, нацеленным в потолок. А у геологов – признак – и покрутил пальцем у виска.

Проснулся отец Василий только около девяти. Странно, но голова была ясная, несмотря на то что вчера он переусердствовал с настойками. Поднявшись с матраса, который, как он помнил с вечера, был набит птичьим пухом, отец Василий осмотрелся. За окном чуть теплело полярное солнце, и где-то громко лаяла собака. В небольшой комнате с розовыми обоями и толстой трубой по всему периметру стояли еще три кровати и два платяных шкафа. На вешалке у входа висели ватник и тонкая ватная безрукавка. Около стула стояли новенькие резиновые сапоги на легкой рифленой подошве, на стуле лежала вязаная шерстяная черная шапочка, а на ней – лист бумаги.

Отец Василий прошлепал босыми ногами к стулу и взял листок, на котором было написано, что одежда и сапоги – подарок геологов, а в девять за ним придут с зоостанции. Там же его ждет и завтрак. А после обеда за ним заедет вездеход и доставит его в Узюмское стойбище к оленеводам.

Ровно в девять в дверь вежливо постучали. Маленькая якутка, представившаяся Аней, повела священника на зоостанцию, расположенную метрах в пятидесяти. По дороге выяснилось, что зоотехники тут чуть ли не коренные жители, а геологи появились только два года назад. Что ребята они хорошие, но лентяи несусветные. Все настойки и варенья – подарки зоотехников, а сами геологи до этого пили спирт и водку. Зато они любят охотиться и снабжают зоотехников мясом, а ягоды собирают девушки со станции...

Пока отец Василий справился со своими делами, пока подарил Косте освященные иконки Божьей матери и Николая-угодника, пока осмотрел хозяйство станции и полюбовался белоснежными песцами, наступило время обеда. Куриный суп ему понравился, а вот отбивная из медвежатины оставила равнодушной. По поводу последнего он промолчал, не желая расстраивать радушных гостей.

Неожиданно позвонил отец Федор.

– Да, слушаю, – ответил отец Василий. – Как вы там?

– Хорошо. Я даже не представлял, какая это радость. Как меня здесь, оказывается, ждали! Никогда еще я не служил и не проводил обрядов в столь приподнятом состоянии. Вот оно, истинное миссионерство. Простите, я вас не отвлекаю?

– Нет, что вы, – рассмеялся отец Василий, – нисколько. Меня тут только что угостили великолепнейшим обедом. Сам пребываю в благодушном расположении духа.

– Вот и славно! Я, собственно, и позвонил вам, потому что очень хотелось поделиться своим настроением. Какие тут чудесные люди! Очень хочется сделать для них как можно больше. Я, наверное, выхожу за рамки своих обязанностей, но пришлось-таки вмешаться. Представляет, отец Василий, вертолет санавиации везет на охоту местного муниципального начальника с гостями из столицы, а в дальнем селе – сложные роды, распутица и застрявший в пути фельдшер. Это же вопиющее безобразие! Я вмешался! Как вы считаете, правильно я поступил или превысил свои полномочия?

– Разумеется, как любой честный человек, вы должны были вмешаться. Тут и сан иметь необязательно.

– Ну, и слава богу! Удачи вам, отец Василий. Через три дня встречаемся в аэропорту. Мне звонила Настя, у нее там все готово. Она прилетит за нами машину, так что до встречи! Благослови вас Господь в трудах ваших праведных!

День проходил за днем, менялись стойбища, поселки. Отец Василий совершил уже два перелета на вертолете, в поселок Казаки. Одни говорили, что там некогда, еще до революции, была казачья станица, другие – что не станица, а некий Казачий вал, укрепление, где постоянно дежурил отряд казаков, сопровождавших караваны купцов, промышленников, царских чиновников к океану и назад. Они же патрулировали эти места, если приходило известие о беглых каторжанах. Потом поселок опустел, а перед войной на том месте организовали колхоз. Стали пахать землю, разводить скот, промышлять пушного зверя. Вроде отсюда возили на Дальний Восток и мамонтовую кость. Один из краеведов даже высказывался, что казаков до революции держали именно для охраны караванов с мамонтовыми бивнями, стоившими на вес золота.

Ревел мотор, вибрировал корпус вертолета, над головой с шелестом хлопали винты. Отец Василий, единственный пассажир, сидел на откидной скамейке и смотрел в круглый иллюминатор. Внизу проплывали огромные зеленые волны, сопка за сопкой, распадок за распадком, сплошь покрытые таежной растительностью. Острые шпильки ельника, темные кедровые лапы, трепещущий осинник и северная береза. Дикие, нехоженые места.

Вдруг мерный гул мотора сменился каким-то воем. Вертолет дрогнул, и отец Василий на миг почувствовал, будто пол ушел из-под ног. Священник даже не успел испугаться, как вертолет снова потянулся вверх, явно набирая высоту. Отец Василий, перекрестившись, сидел в нерешительности, не зная, то ли это в порядке вещей, то ли что-то происходит и стоит пойти в кабину и узнать у командира. Не успел он подняться на ноги, как дверь кабины открылась и в салон просунулась голова летчика с напряженным лицом.

– Держитесь крепче! – крикнул он, пытаясь перекричать гул мотора. – У нас проблемы, идем на вынужденную!

Отец Василий кивнул, и тут вертолет словно провалился в яму. Не успев ухватиться за поручни, священник грохнулся на пол. Вертолет резко задрал нос, гася скорость снижения.

Амортизаторы шасси погасили удар, но он все равно оказался чувствительным. Отцу Василию показалось, что его ударили по грудной клетке огромной доской. Он ударился затылком с такой силой, что на миг свет померк в глазах. Наверное, он несколько секунд находился без сознания, потому что, когда пришел в себя, лопасти вертолета уже остановились.

Отец Василий открыл глаза и увидел перед собой лицо летчика. Тот улыбался какой-то напряженной перекошенной улыбкой.

– Жив, батюшка! Обошлось, сели мы.

– Слава богу, – прокричал священник, поднимаясь на ноги. – А что случилось-то?

– Скорее всего, что-то с подачей топлива.

С помощью летчика отец Василий открыл люк и спустился на землю. Командир стоял, разглядывая свой вертолет, и курил долгими затяжками.

– Как же вы сумели его посадить? – покачал головой священник, морщась от боли в затылке. – У него же двигатель, как я понял, заглох.

– Авторотация, – пояснил второй пилот. – На холостом ходу винтов сели. Когда вертолет снижается, лопасти все равно вращаются под воздействием потока воздуха. Вот тут наклоном винтов и можно маневрировать.

– Молодцы вы, – похвалил отец Василий, – справились.

– Повезло, – резко ответил командир. – Еще минута, и нам бы высоты не хватило.

Отец Василий оглянулся в ту сторону, куда показывал летчик. Невдалеке стеной стояла тайга, упираясь в небо верхушками деревьев. Рухнуть туда – и костей не соберешь!

– А вы, батюшка, смотрите, и не успели испугаться?

Отец Василий с удивлением посмотрел на летчика.

– Вообще-то успел. Только что особенно пугаться? Все в руках Господа нашего. Помолиться успел, это точно.

– Ну, будем считать, что ваша молитва нас и спасла, – уже мягче улыбнулся командир и полез в кабину.

Отец Василий услышал, как он связывается с кем-то по радиации и докладывает о происшествии. Вдруг со стороны реки быстрой рысью протрусил олень, на котором, помахивая длинным гибким шестом, сидел якут-подросток. Приглядевшись, священник заметил у самой реки три балагана – невысокие жилища прямоугольной формы с чуть наклонными стенами из тонких бревен, обмазанных глиной с навозом и двускатными крышами, крытыми древесной корой и дерном.

– Ай-ай! – закричал подъехавший верхом на олене якут, оказавшийся не подростком, а маленьким крепким старичком. – Чуть не убили! Смотрю, летит плохо, не так, как всегда. Думаю, совсем убьются, надо ехать смотреть.

– Обошлось, старик, не кричи, – проворчал второй пилот.

– Как, не кричи? – возразил якут, шустро спрыгивая со своего скакуна с ветвистыми рогами. – Как, не кричи, когда беда совсем уже близко была? Здравствуйте, летчики, здравствуй, батюшка.

– Здорово, старик, – ответил второй пилот. – Скажи лучше, переночевать пустишь?

– Отчего не пустишь, – бодро проговорил якут, обходя вертолет со всех сторон и цокая языком. – Дом пустой, народ на пастбищах. Живи сколько хочешь. А что, твою железную стрекозу скоро лечить приедут?

– Ой, не скоро, – раздалось из кабины, и на землю спрыгнул командир. – Принимай гостей, отец. Как тебя зовут-то?

– Гость в доме – радость, – философски заметил якут, похлопывая по шее своего оленя, который выискивал под ногами траву и мох, раскапывая каменистую почву копытом. – А зовут меня дед Мэнгэ. Ну, это по-нашему, а крестили Федором. Вещи есть? Грузи на олешку, домой

пойдем. Обедом буду угощать. – И тут же добавил: – Раз с вами батюшка летел, то Бог вас и спас. Священнику нельзя разбиваться.

Летчики забрали из вертолета свои планшеты с картами, нагрузили на оленя чемоданы отца Василия и тронулись вслед за якутом к стойбищу, недовольные тем, что придется торчать в этом стойбище невесть сколько, а у них план, от которого зависит и зарплата. Старик бодро семенил своими кривыми ногами рядом со священником.

– А скажи, батюшка, детей ты крестить можешь? – спросил он. – Мал-мала трое есть, и все некрещеные.

– Конечно, – ответил отец Василий. – А ты, дедушка, никак, верующий, православный?

– А то как же, – охотно ответил якут. – Молодой был, шаман лечил. Старый стал, поумнел. Одному богу молиться надо. Много духов – много молиться надо. Устаешь. Русские хорошо придумали: заболел, врач вертолетом прилетел – полечил; ребенок родился, священник вертолетом прилетел – окрестил. Удобно.

Отец Василий шел рядом и усмехался. Вступать в спор со стариком не хотелось, да и после пережитого на разговоры как-то не особенно тянуло.

Чуть в стороне, под деревьями, показались еще строения – две жилые постройки посольднее. Многоугольные срубные юрты с пирамидальной крышей, внешне напоминающие чум, диаметром около пяти и высотой метров десять. Там же виднелись и хозяйственные постройки, включая хлевы для содержания скота, которые, как он уже слышал, назывались у якутов хотоны, амбары, подвалы-ледники, загоны для лошадей.

Якутские поселения делятся по сезонно-хозяйственному признаку – на зимние и летние. Зимники состоят обычно из одной-трех юрт и располагаются вблизи сенокосных угодий и водоемов, а летники ставятся у пастбищ и насчитывают до десятка юрт. Это стойбище было большое, на много семей, но сейчас в разгар сезона оно пустовало. Здесь жили только женщины с маленькими детьми и глубокие старики. Лет примерно с восьми дети у якутов уже вовсю участвуют во взрослых делах, насколько позволяют силенки. Лихо гоняют на верховых оленях по пастбищам, умело бросают арканы, умеют доить маток.

Якут привязал оленя к одному из коновязных столбов – сэргэ, где уже топтались три мохнатые лошадки без седел.

– Ух ты! – удивился отец Василий, увидев полуразобранную конструкцию на больших полозьях, подбитых оленьим мехом, – небольшую платформу два на три, на которой были укреплены жерди, сведенные и связанные верхушками. – А это что такое? Я думал, что дома на колесах или на полозьях – это из сказок про кочевников.

– Это «балок», – охотно ответил старик. – Очень удобно. Предки наши придумали. Оленей запряг и поехал с бабой и с малыши детьми. Едешь, поешь, все при тебе. Чинить, однако, надо.

Отцу Василию старик Мэнгэ нравился своей колоритностью. Видимо, он был в стойбище за старшего, о чем говорил и национальный однобортный кафтан – сон, сшитый не из коровьей или конской шкуры, а из толстой цветной ткани, отороченной мехом, признак если не богатства, то, по крайней мере, определенного статуса в стойбище.

А вот типичные для якутов короткие кожаные штаны и такие же кожаные «ноговицы» были засалены и потерты, видать, старик не снимал их все лето, меховые носки все в репьях и в одном месте прожжены. Из ворота сона выглядывал отложной воротник национальной рубахи, а венчал этот наряд кожаный пояс с неизменным ножом в деревянных ножнах и кожаным мешочком с огнивом.

В стойбище было не больше десятка женщин и столько же детей в возрасте от двух до пяти лет. Ребяшня возилась между домами, играя в свои, только им понятные игры. Два папанчика лет четырех усердно кидали в речку камни, несмотря на протестующие возгласы женщин, то ли стиравших на берегу, то ли обрабатывающих куски кожи – издали было не видно.

Ближе к реке пылали два костра под большими чанами, в которых что-то варилось.

Несколько женщин обступили гостей, вежливо поздоровались и стали с интересом ждать пояснений старого Мэнгэ о том, что случилось. Одеты они были вполне современно – шерстяные длинные юбки, кирзовые или резиновые сапоги, некоторые в меховых безрукавках с меховой опушкой и национальным рисунком, а кто-то в обычных ватных фуфайках. На головах – платки, завязанные узлом на затылке, только у двух девушек были небольшие меховые шапочки.

Старик строгим голосом стал отдавать какие-то распоряжения, и женщины торопливо разошлись. Гости Мэнгэ провел в самый большой балаган. Летчики завели вежливый разговор о жизни стойбища: сколько в нем человек, сколько оленей и лошадей, далеко ли пастбища, как пережили эту зиму?

Отец Василий в разговор не вступал, лишь с интересом осматривался. Гости, сложив ноги, устроились в центре около очага, сложенного из больших камней. Пол балагана был услан толстым войлоком и медвежьими шкурами, а в углу кучкой валялись олени шкуры.

Вошли две женщины, неся алюминиевую посуду и два котелка, и тут же стали разливать по тарелкам какую-то мутную похлебку белесого цвета, во втором котелке, судя по аромату, была жареная оленина.

– Не смотрите так, батюшка, – улыбнулся вертолетчик, перехватив взгляд священника. – Попробуйте, вам понравится эта похлебка.

– А что это? – тихо спросил отец Василий, с сомнением глядя на содержимое своей тарелки.

– Бутугас. Эта похлебка готовится на основе простокваши.

– Из кобыльего молока? Или оленьего?

– Зачем? Из коровьего. Это не совсем обычная простокваша, а суорат, или сора. В нее добавляют ягоды, коренья, еще что-то и хранят в замороженном виде. А для похлебки суорат разбавляют водой, добавляют муку, всякие приправы. Очень полезно для пищеварения, особенно если учесть, что потом придется есть тяжелое оленьё мясо, к тому же она хорошо утоляет жажду.

Обед умяли в два счета. Разморенные летчики не уставали расхваливать угощение. Вдруг отец Василий заметил, что из-за полога, закрывающего вход, на него выжидательно поглядывают две женщины. Поблагодарив Мэнгэ, он поднялся, разминая затекшие ноги, и вышел на улицу.

– Батюшка! – бросились к нему женщины. – Дочка у нас болеет сильно. Может, службу какую провести, помолиться за выздоровление?

– А что с ней случилось?

– Родила она недавно, вот после родов все и болеет.

– Так ей врач нужен.

– Будет врач, мы просили. Думали, что с вами прилетел.

– Хорошо, пойдете, – согласился отец Василий. – А дочка-то крещеная?

– Крещеная, батюшка, как же, крещеная.

В течение нескольких часов у отца Василия не было ни одной свободной минуты. Он причастил и исповедовал больную, подарил ей иконку, прочитал молитву, осветил жилище. Потом в соседнем чуме провел обряд крещения. Когда солнце уже скатывалось за горизонт, отец Василий вышел из чума и с удивлением услышал, как кто-то визгливым голосом заунывно тянул якутские мотивы. Неожиданно раздался дружный мужской смех, а затем, отчаянно фальшивя, запели: «Первым делом, первым делом вертолеты, ну а девушки, а девушки потом!»

– Вот это да! Здрате! – раздалось за спиной священника.

Обернувшись, он увидел трех молодых мужчин в болотных сапогах, фуфайках и брезентовых плащах. Один держал на плече кофр с кинокамерой.

– Здравствуйте, – поздоровался в ответ отец Василий.

– То-то говорят, вертолет прилетел, – сказал высокий парень в вязаной шапочке. – А тут, значит, священника привезли. По каким делам, батюшка?

– Случайно, вынужденная посадка. А вы кто такие? Не геологи?

– Слышите? – поднял палец второй парень в камуфляжном бушлате под плащом и такой же пятнистой кепке. – Летчики, что ли? Опять белые братья поят огненной водой старого вождя Мэнгэ. Я так понимаю, батюшка, что интеллигентной компании вам в этот вечер не видать. Пойдемте к нам в гости, познакомимся, чаю попьем. Настоящего!

– И то дело, – согласился отец Василий. – Везет мне в последние дни на геологов.

– А мы и не геологи, – развел руками высокий парень.

– Да? А кто же?

– Я, например, зоолог. Кстати, Александр. Мишка – журналист, постоянный корреспондент журнала «Вокруг света». А Колян – кинооператор.

– Очень приятно. Меня зовут отец Василий.

– Вот и познакомились, – приветливо улыбнулся Александр. – Приглашаем в наш чум на чаепитие.

– Принимаю. Только вы так и не сказали, чем тут занимаетесь.

– Мамонтов они ищут, – буркнул не улыбочивый Колян и направился к ближайшему балагану.

Отец Василий так и не понял, шутка это или серьезно. Зоолог, журналист, да еще и кинооператор. Конечно, Колян пошутил, наверное, фильм снимают о Якутии.

– Вы согласны, что из алюминиевой кружки чай пьется совсем с другими мыслями, чем из фарфоровой чашки? – произнес Александр, склоняясь над дымящейся кружкой. Ноги он старательно сложил под собой кренделем.

– Тут еще важен запах дыма, – философски заметил Михаил, развалившийся на медвежьей шкуре.

– Стоп, ребята! – выставив вперед ладони, возразил отец Василий. – Но это же не серьезно. Какие мамонты? Если бы хоть намек был или какие-нибудь их свидетели существования, шум на весь мир подняли бы.

– Да? – усмехнулся Михаил. – А вам мало шума вокруг снежного человека? И свидетелей больше чем достаточно, и карты ареалов обитания имеются, а некоторые ученые все продолжают гадать, существует ли он на самом деле. А местные жители, между прочим, по поведению мамонтов погоду предсказывают.

– Ладно, отец Василий, – махнул рукой зоолог Сашка. – Обещал я вам интеллигентную беседу в этот вечер, так получите. Дело в том, что живых мамонтов в наше время никто из авторитетных ученых во время своих экспедиций не видел, это факт. Но то, что они жили совсем недавно, с исторической точки зрения тоже факт. Считается, что мамонты вымерли около десяти тысяч лет назад. Виноват, вас не коробит, что мы не придерживаемся ваших взглядов на сотворение мира?

– Что тут поделаешь? – развел руками священник.

– И то верно, – кивнул Сашка. – Так вот, факты говорят о следующем. Количество ископаемых туш этих древних гигантов, которых находили и находят в Сибири, необычайно велико. У многих во рту и желудке растительность, идентичная современной, хотя палеозоологи считают, что во времена мамонтов флора была несколько иной. Удивляет и то, что туши хорошо сохранились.

– Вечная мерзлота... – начал было отец Василий, все еще не веря, что ребята говорят серьезно.

– Хорошо, – согласился Сашка. – Оставим этот довод у себя в тылу до поры до времени. Вернемся лучше к свидетельствам чисто историческим.

Отец Василий недоверчиво поглядывал на троицу. Сашка продолжал вещать с кружкой в руках, Михаил, развалившись на шкурах, благосклонно кивал и громко прихлебывал чай. Только Колян лежал на спине с закрытыми глазами и не участвовал в беседе. В темноте чума, где свет небольшого костра в центре освещал лишь лица собеседников, вся ситуация представлялась священнику какой-то неестественной. Неожиданно Колян заговорил:

– Послушайте их, послушайте. Я-то из Якутска. А вот эти два ненормальных из Москвы прибыли. И где они насобирали таких фактов?

– Скептик должен быть в каждом серьезном предприятии, – авторитетно проговорил Михаил. – У нас вот – Колян.

– Ну, так вот, – продолжал между тем Сашка. – Еще географ Цянь в своих записках, датируемых 188–155 годами до нашей эры, писал, что в Московии водятся огромные кабаны, северные слоны в щетине и северные носороги.

– Цянь? – наморщил лоб отец Василий. – Не слышал о таком.

– Вы же не географ.

– Не географ, – согласился священник. – Но о вепрях, живших в древности, читал. Это такие огромные кабаны. Кстати, у них тоже торчали клыки, которые можно сравнить с бивнями. Да и шерсти на них, как писали, было много.

– Резонно, – согласился Сашка. – Приятно иметь дело с начитанным человеком. Только не забывайте, что в те времена путешественники прекрасно знали слонов, носорогов и кабанов. Не думаю, что они стали бы называть одно животное другим. Но это еще не все. Другие факты, думаю, вас убедят. Могу привести в пример записки австрийского посла, который писал о животном мире Московии в XVI веке. Он писал, что у нас тут водится много птиц и различных животных. С соболями, куницами, борами, горностаями и белками он упоминал и огромное животное, напоминающее по его описанию мамонта. Называли его «вес»⁴. Сразу оговорюсь, что такое название действительно существовало. У колымских хантов есть предания о звере «щука-мамонт», или «весь»⁵. Он был покрыт длинной шерстью и имел большие рога. Зверь довольно крупный. Когда они затевали свои игры, на озерах со страшным грохотом трескался лед.

– То, что вы заговорили о поверьях, – нашелся отец Василий, – сразу все и объясняет. Легенды. И посол слышал их, и ханты пересказывали. Этим легендам тысячелетия.

– Вот тут вы совершенно не правы, – рассмеялся Сашка. – Криптозоологи давно уже скооперировались с историками и этнолингвистами. Абсолютно точно установлено и неоднократно проверено, что упоминание о конкретных событиях, реликтовых животных и тому подобном в устном народном творчестве, подчеркиваю, в устном, а не в летописях, сохраняется не более пятисот лет. Вот так-то!

– Вы серьезно все вот это? – ошарашенно спросил отец Василий.

– А вы считаете, что два приличных человека прибыли аж из самой Москвы, чтобы потешать каждого встречного байками? Обижаете, батюшка, – вмешался Михаил.

– Увы, он прав, – поддержал журналиста Сашка. – И казаки Ермака Тимофеевича встречали в лесах огромных волосатых слонов, и обские угры и сибирские татары подробно описывали таких же волосатых слонов. Эту «гору мяса» местные жители считали символом богатства их страны. Отмечали даже такие вещи, как его характер. Они описывали мамонта как животное кроткое и миролюбивое, которое не нападает на человека. Есть, отец Василий, и более

⁴ Сигизмунд Герберштейн. «Записки о Московии».

⁵ П. Городкова «Поездка в Салымский край». 1911.

поздние свидетельства о встречах с мамонтом, причем не только у охотников, но и у ученых. Даже летчики его видели сверху, где-то в сороковых годах.

– Вы можете не верить нам, молодым энтузиастам, – добавил Михаил, – можете считать, что понахватали из поверий и легенд какие-то обрывки и делаем из этого сенсацию.

– Я бы так не сказал, – вежливо вставил отец Василий.

– А вы скажите, – продолжал Михаил, – ничего в этом неприятного нет. Только ведь не мы первые и не вдруг этим занялись. Почитайте Эйвельманса на досуге. Он был не рядовым криптозоологом и занимался вопросами реликтовых и легендарных животных не одно десятилетие. Его первая книга нашумела на Западе еще в 50-е⁶. Еще бы, если он писал о снежном человеке и живых динозаврах Африки, о гигантском ленивце Патагонии и кошмарных размеров анаконде, причем как о реально существующих.

– Вернемся лучше к нашим баранам, – предложил Сашка, – то есть к нашим мамонтам. Внимание ученых, естественно, приковано к Крайнему Северу, где до сих пор находятся очевидцы, утверждающие, что видели живого мамонта в конце позапрошлого века, и наука была близка к тому, чтобы принять гипотезу о действительном существовании мамонтов. Где-то в 1899 году одна ежедневная газета в Сан-Франциско опубликовала интересную статью. В ней рассказывалось о том, что эскимосы Аляски прекрасно осведомлены о мамонтах, их внешности, нравах. Автор статьи, путешественник, не помню его имени, обнаружил у эскимосов оружие из моржовых клыков, на котором были вырезаны изображения мохнатого колосса с длинными изогнутыми бивнями. Причем экспертиза показала, что рисунок сделан относительно недавно. Тогда ученые еще верили, что образ животного мог передаваться неизменяемым из поколения в поколение в течение многих тысяч лет, то есть с того времени, когда, предположительно, исчезли мамонты.

– Если статья произвела такой фурор, – заметил отец Василий, – почему же к эскимосам не отправили экспедицию?

– Отчего же, направили. Конечно, экспедиция не встретила там мамонтов, но подтвердила сообщение путешественника. Эскимосов подробно расспрашивали, в том числе о месте, где живут эти слоны. Те указали в сторону ледяной пустыни на северо-западе.

– Может быть, они хотели всего лишь показать место, где охотились когда-то на мамонтов их предки? – предположил отец Василий.

– Отличная мысль, – рассмеялся Сашка. – Вы уже согласились, что мамонты жили в обозримом прошлом, то есть совсем недавно, а не десять тысяч лет назад. Кстати, маленький нюансик. Радиоуглеродный метод, которым были исследованы археологические находки, дал возможность точно установить, что эскимосы обосновались на американском Крайнем Севере не более тысячи лет назад.

Николай с криком поднялся, пошел к выходу и с чем-то шумно завозился. Священник с удивлением прислушивался к звукам в темноте.

– Пошел полог плотнее прикрыть, – объяснил Михаил. – Чувствуете, как по ногам ночной холод потянул? Советую прикрыться шкурами, а то к утру прострел в спину обеспечен. – Он потянулся к стопке шкур и по одной вытянул оттуда несколько штук.

По примеру москвичей священник подстелил под себя один конец оленьей шкуры, а другим концом накрылся до плеч, не забыв укутать и ноги. Сашка задумчиво подбрасывал в очаг ветки и небольшие полена. Огонь разгорелся с прежней силой, и дым послушно заструился к отверстию в конической крыше.

– Вы не слышали, отец Василий, как современные слоны роют пещеры? – вдруг поинтересовался Михаил.

Вернувшийся Николай снова улегся, укрывшись шкурой, и проворчал:

⁶ Имеется в виду книга известного бельгийского ученого Бернара Эйвельманса «По следам неизвестных животных».

– Ага, сейчас они вам расскажут о путешествии к центру земли. Жюль Верн писал не фантастику, а лично побывал там! Фантазер ты, Сашка, а не ученый.

– Я фантазер? – дурашливо переспросил зоолог. – Я суть познания, факел, прожектор во тьме неверия и мракобесия...

– Это ты лишку дал, Сашок, – проговорил Михаил, виновато взглянув на священника.

– Насчет мракобесия? Ну да, – быстро отреагировал зоолог. – Но я не о том! Я с большим уважением отношусь к христианским воззрениям. Вопию о мраке ханжества, воинствующего обывательского неверия в очевидное, о неспособности узреть всю глубину и богатство...

– Остапа понесло! – хмыкнул Николай и повернулся на бок. – Лучше спросите их, не шпилны ли они?

– Чаво? – перебил его Александр. – И спросим. И ответим. Нет, мы не шпилны, мы второй год лазаем по этим горам, извели километры киноплёнки...

– У меня цифровая камера, словоблуд.

– Я же образно. Ладно, мы отвлеклись.

– Так вот, про слонов, – снова заговорил Михаил. – Я был в Кении, и мне показывали пещеры, которые слоны своими бивнями рыли в известняках, а потом забирались туда на ночь целыми группами.

– Да-да, именно, – поддержал журналиста Сашка. – Есть такая гипотеза, что современные мамонты перешли пусть не на подземный образ жизни, но, по крайней мере, спасаются от холодов под землей. Об этом говорят и лапландские легенды, да и у нас на всем протяжении Сибири, вплоть до Беренгова пролива. Конечно, эти легенды носят полумистический характер, но в целом в описании мамонтов не расходятся. Это «килу-крук» у эскимосов, «холхут» у юкагиров, «маманту» у коряков и якутов, «туйла» у камчадалов, «тай-шу» у монголов. А в одном древнем китайском трактате прямо говорится, что «на севере живет подземная крыса «феншу», то есть «скрывающаяся мышь», или «иеншу», или «мышь-мать»⁷

⁷ Имеется в виду энциклопедический трактат «Мир животных», авторство которого приписывается императору династии маньчжуров Куанг Чи (1662–1723).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.